

Часть вторая.

III.

Мартинъ Барычка.

Въ 1348 году, въ зимній вечеръ, несмотря на морозъ и метель, большая комната въ домѣ Неорзы была переполнена народомъ, а новыя лица все еще прибывали. Каждый изъ прибывавшихъ былъ въ жупанѣ, епанчѣ и капюшонѣ. Таинственные лица сходились со всѣхъ сторонъ города по тропинкамъ и глухимъ переулкамъ, какъ будто избѣгая встрѣчи съ посторонними и боясь быть замѣченными. Проходя по нимъ, они оглядывались, всматривались, быстро проходили мимо встрѣчаемыхъ и незамѣтно исчезали въ калиткѣ. Прежде чѣмъ войти въ домъ, они спрашивали слугъ, находившихся въ передней, и заглядывали въ полустертую дверь. Окна большой комнаты были закрыты ставнями какъ отъ холода, такъ, можетъ быть, и оттого, чтобы не было видно свѣта, который могъ выдать тайное сборище людей. Послѣднихъ было нѣсколько десятковъ; они стояли по срединѣ комнаты и вполголоса вели оживленную бесѣду, которая по временамъ превращалась въ непонятный шумъ. Однако хозяинъ былъ неособенно гостепріименъ: на столахъ стояло пиво въ глиняныхъ кувшинахъ и кубкахъ, которые можно было купить въ любой горшечной лавкѣ, и такія же миски, съ обглоданными уже костями, и лежали остатки хлѣба.

Неорза сидѣлъ въ простомъ кожухѣ, накинутомъ на плечи,

который постоянно сползалъ, и онъ поминутно поправлялъ его. Лицо его было красно и обрюзгло и глаза красные. Онъ жестикулировалъ, помогая себѣ руками въ разговорѣ. Окружавшіе его гости выглядѣли умнѣе и, казалось, очень мало обращали вниманія на его слова, не придавая имъ никакого значенія и болѣе разговаривая между собою. Видно было, что они собрались сюда не столько для хозяина, сколько ради того, что его домъ стоялъ въ сторонѣ отъ города особнякомъ. Очевидно, это игнорированіе не нравилось хозяину, потому что онъ постоянно вмѣшивался въ разговоръ, прерывалъ его, хваталъ невнимательныхъ за руки и хлопалъ ихъ по плечу. Между всѣми собесѣдниками особенно выдѣлялось худое, желтое и су-ровое лицо знакомаго намъ ксендза Мартина Барычки. Онъ говорилъ, точно съ кафедры, съ грозно сведенными бровями и нахмуреннымъ челою, вдохновенно, горячо, страстно, увлекательно. Его слушали всѣ съ любопытствомъ и уваженіемъ, хотя по лицамъ слушателей видно было, что не всѣ соглашались съ тѣмъ, что онъ проповѣдовалъ, а только не смѣли противорѣчить. Борматаніе хозяина проходило почти незамѣченнымъ среди общаго шума. Да у него не было о чемъ и говорить: онъ только твердилъ старую пѣсню, всѣмъ ужъ хорошо извѣстную, объ отмѣсткѣ королю за свои обиды. Между тѣмъ о. Барычка продолжалъ:

— Это перстъ Божій! Переполнилась чаша соблазна и беззаконій, лопнуло терпѣніе, и милосердіе уступаетъ мѣсто справедливой мести. Господь, наказующій дѣтей за грѣхи ихъ родителей, ниспосылаетъ на наше королевство всякія бѣдствія, наказывая насъ за беззаконія того, кто властвуетъ и управляетъ нами!.. Я не хочу быть судьей другихъ, ибо самъ грѣшный человѣкъ; но не одинъ король виноватъ въ томъ, что разнуздалъ свои страсти, виноваты и другіе, а именно тѣ, которые потворствуютъ ему и молчатъ!.. Но кому пристало порицать, напоминать опомниться и вывести на прямую дорогу, если не духовенству и не отцамъ церкви, стоящимъ у царскаго трона? Кто осмѣлится отозваться, если они будутъ молчать?

Говоря это, онъ стучалъ себя кулакомъ въ грудь.

— Да, виноватъ архіепископъ Богорья, покровительствующій ему; виноватъ его племянникъ, ксендзъ Суховильскъ, забы-

вающій о своихъ духовныхъ обязанностяхъ ради свѣтскихъ, ибо онъ больше юристъ, чѣмъ священникъ; наконецъ, виновать также и мой уважаемѣйшій отецъ, епископъ Бозаитъ, который хоть и чувствуетъ свои обязанности, но ужъ черезчуръ долго не исполняетъ ихъ. Но этого послѣдняго я самъ стану на колѣняхъ умолять и поведу къ королю, а если не пойдетъ, то пойду отъ его имени, хоть бы меня постигла участь блаженной памяти епископа Станислава! Именно, такого, какъ онъ, намъ нужно храброго воина; и я хотя недостойнъ развязать ремня у обуви святого мученика, пойду по его слѣдамъ!..

Стоявшій рядомъ съ нимъ викарій Оттонъ Топорчикъ изъ Щекаржевицъ, — родственникъ Неорзы и одного съ нимъ дворянскаго достоинства, — закусилъ нижнюю губу и, прищуривъ одинъ глазъ, иронически улыбнулся.

Замѣтивъ эту улыбку, ксендзъ Барычка грозно свелъ брови, нахмурился и вопросительно взглянулъ на него.

— Отецъ духовный, — отозвался съ укоризной о. Оттонъ Щекаржевскій, — не тѣ времена теперь, когда разгнѣванные короли дѣлали мучениковъ, навлекали на себя проклятія и изгнаніе. Вы знаете, что чешскій король сказалъ нашему епископу во Вроцлавѣ, когда тотъ грозилъ ему проклятіемъ за отнятіе помѣстій? Онъ только разсмѣялся и равнодушно отвѣтилъ: „Я вижу, что вамъ захотѣлось мученическаго вѣнца, но я тяжель на подъемъ... Помѣстій не отдамъ и жизни не отниму; а что касается проклятій, то съ ними мы справимся въ Римѣ!..“

Глаза присутствующихъ обратились на о. Барычку, лицо котораго корчилось и морщилось отъ внутреннихъ волненій.

Онъ повернулся къ нему небрежно и, смѣривъ его гордымъ взглядомъ, воскликнулъ:

— Не cadaго Господь награждаетъ мученическимъ вѣнцомъ, но каждый долженъ исполнить свою святую обязанность!.. Развѣ вы не считаете мученіемъ тѣхъ оскорбленій и презрѣшій, которыя сыплются на головы духовныхъ лицъ?

Сказавъ это, отецъ Барычка отступилъ назадъ, вытеръ потъ на лицѣ и умолкъ.

Всѣ присутствующіе посмотрѣли другъ на друга. Петръ

Пшонка изъ Бабина, человекъ небольшого роста, съ покраснѣвшимъ лицомъ и безпокойнымъ взглядомъ, первый отозвался:

— Духовныя и свѣтскія дѣла — неодинаковы, и что намъ за дѣло, какую жизнь ведетъ король? Каждый самъ за себя отвѣтитъ передъ Богомъ!.. Хуже всего то, что онъ не такой, какимъ мы хотѣли его имѣть... На всемъ нашемъ рыцарствѣ и на его счетахъ зиждется все королевство, а между тѣмъ насъ, его отцовъ, отталкиваютъ на задній планъ. Онъ навязываетъ намъ новые законы и желаетъ, чтобы всѣмъ было хорошо, какъ мѣщанамъ и крестьянамъ, такъ шляхтамъ и жидамъ, только насъ забываетъ, лишаетъ свободы и грозитъ неволей... Но развѣ мы не помнимъ прежнія времена, когда мы съ духовенствомъ сажали и низвергали королей съ престола? Во что же теперь обратилась наша сила? Но мы сами позволили отнять ее у насъ по частямъ, а потому и должны идти въ неволю.

Неподалеку отъ Пшонки стоялъ и смотрѣлъ на говорящаго мужчина почтенныхъ лѣтъ, съ рѣшительнымъ лицомъ, выражавшимъ хитрость и плутовство. Онъ былъ плечистъ, толстъ и рослый, какъ дубъ. По обхожденію съ нимъ окружающихъ и по тѣмъ почтительнымъ взглядамъ, какими на него смотрѣли присутствующіе, легко было догадаться, что онъ пользовался между ними не малымъ значеніемъ и что каждый хотѣлъ слышать его мнѣніе по общему дѣлу. Густые темные волосы съ красноватымъ отбѣнкомъ вились вокругъ его красиваго лица, выражавшаго упрямство и надменность; борода была короткая, рыжеватая; щеки скуластыя и губы мясистыя, изъ-за которыхъ выглядывалъ рядъ бѣлыхъ зубовъ; глаза безпокойные и блестящіе. На немъ былъ надѣтъ небрежно богатый барскій костюмъ: изъ подъ куней шубы, покрытой дорогой матеріей, видѣлся кафтанъ, отороченный золотомъ съ блестящими на немъ застѣжками и пуговицами; его мечъ, на который онъ опирался рукой, былъ кованъ изъ стали, и рукоять украшена драгоценными камнями; поясъ тоже блестялъ и искрился отъ золота и самоцвѣтныхъ камней.

Хотя Неорза былъ хозяиномъ дома, а отецъ Барычка, какъ духовное лицо, имѣлъ всѣ преимущества надъ свѣтскими людьми, которыми управлялъ и руководилъ, но этотъ человекъ

очевидно, былъ первымъ и почетнымъ гостемъ, имѣющимъ право управлять всеми другими. Поэтому всѣ смотрѣли на него съ тревогой и особеннымъ интересомъ. Однако онъ больше слушалъ и наблюдалъ, чѣмъ говорилъ, и только когда Пшонка кончилъ свою рѣчь, губы его нервно дрогнули; всѣ смотрѣли на него, какъ будто требуя отъ него слова. Наконецъ онъ открылъ ротъ.

— Все это правда, что вы говорите, — отозвался онъ небрежно и какъ бы нехотя, — но вы далеко не говорите всего, что нужно. Этого мало! Дворяне теперь не имѣютъ силы, какъ и ихъ земли, изъ которыхъ состоитъ королевство и въ которомъ онѣ гибнуть и пропадають. Ни одна изъ земель не хочетъ даже признаться, что она когда-то была самостоятельной и имѣла своихъ князей. Законъ — одинъ, деньги — одинъ и король — одинъ, а нашу великопольскую, куявскую, краковскую, мазовецкую и проч. свободу измолоти въ королевскихъ жерновахъ въ муку и теперь хотятъ отпускать намъ ее такою мѣркою, какою имъ вздумается. Каждая земля, прежде всего, должна помнить о самой себѣ и всѣ рыцари — соединиться въ одну группу. Когда явятся полки, то изъ нихъ образуется цѣлая армія; а теперь что у насъ есть? Одна разнужданная толпа!

Большая часть слушателей, находя его рѣчь умной, одобрительно качала головами.

— Умно говорить! — шептали одни. — Въ точку попалъ!.. Стоитъ послушать!..

— Я собираю моихъ великополянь вокругъ себя, — продолжалъ ораторъ, довольный собою, — ихъ является не мало; я кланяюсь королю, но не объявляю ему войны и не отказываюсь отъ послушанія. Я молчу смиренно, но въ домѣ своемъ хочу быть господиномъ и буду имъ, а когда наша армія возрастетъ, то насъ никто не возьметъ голой рукою и мы никому не дадимся.

— Правду говорить, Мацѣкъ Борковичъ! — отозвался Янниа изъ Рогова, тряхнувъ головою, — святая истина! Обособленность наша губить насъ... Дворяне разсыпались во всѣ стороны и не держатся своего угла. Прежде краковскіе вельможи считались силой въ своей отчинѣ, а теперь ихъ полно вездѣ, во всѣхъ земляхъ, и нѣтъ старой общины. Къ намъ тянутся ве-

ликополяне, не заботясь о нашихъ интересахъ, мы тоже поселяемся, гдѣ кому вздумается и чувствуемъ себя одинокими. Поэтому, выйдетъ такъ, что будетъ одно государство, но дворяне, рыцари и паны погибнуть вмѣстѣ съ ихъ давними правами, а сила короля—возрастетъ...

Ксендзъ Барычка слушалъ его съ нетерпѣніемъ, пожималъ плечами и наконецъ громко прервалъ:

— Вы кажется хотите умомъ своимъ побѣдить все зло! умомъ и безъ Бога! Хо-хо! Къ лучшему не эта дорога! Соединяясь въ полки и громады, вы ничего не сдѣлаете, потому что вы великіе грѣшники, развратники, расточители, какъ и тотъ, противъ котораго вы возстаете... Прежде всего, исправьтесь, покайтесь, и Господь сдѣлаетъ то, чего вы не достигнете своимъ умомъ. Король грѣшенъ, но и вы не меньше его... Поэтому, молитесь Богу, кайтесь и просите прощенія... Вы сами видѣли, до чего дошло. Гдѣ это видано, чтобы въ христіанскомъ государствѣ безбожные люди схватили въ церкви св. причастіе и бросили его въ грязь?! Развѣ послѣ этого королевство не заслуживаетъ божескаго наказанія? Что изъ того, что на томъ мѣстѣ строятъ храмы, а сами не думаютъ исправиться!.. Вы сами видѣли, какъ послѣ этого святотатства насталъ моръ людей и черная смерть унесла тысячи жертвъ изъ городовъ и селеній! Господь уничтожить это развратное гадъздо, какъ уничтожилъ Содомъ и Гомору, если вы не поспѣшите исправиться!

Никто не возражалъ на эти грозныя восклицанія священнослужителя. Воспоминаніе о недавно постигшей Польшу моровой болѣзни, которая оставила послѣ себя ужасные слѣды, глубоко запечатлѣлась въ памяти поляковъ и представлялась какъ живую. Даже Неорза опустилъ голову и обвелъ тревожнымъ взглядомъ присутствующихъ.

— На тяжкую болѣзнь нужны острые лѣкарства,—прибавилъ о. Барычка,—а именно: покаяніе, власяницы, раскаяніе и исправленіе, ибо въ нихъ все ваше спасеніе, а не въ вашихъ единеніяхъ и совѣтахъ! Господь ставитъ царей и ниспосылаетъ моръ.

Маѣкъ Борковичъ сжалъ губы, скорчилъ лицо, покачалъ головою и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, поправилъ свой

колнакъ и 'натянулъ на плечи шубу, какъ будто собираясь уйти.

Но о. Барычка, высказавъ все, что у него лежало на сердцѣ и не встрѣчая ни сопротивленія, ни возраженій противъ сказаннаго имъ, кивнулъ хозяину на прощанье головою и быстрыми шагами направился къ выходу. Борковичъ, увидѣвъ это, остановился и затѣмъ вернулся въ кругъ. Всѣ остальные, какъ будто имъ мѣшала Барычка и стѣсняла ихъ свободу, почувствовали себя гораздо легче и свободнѣе вздохнули.

— Святой это человѣкъ, — пробормоталъ Неорза, — но намъ то отъ него мало пользы... Развѣ только тѣмъ онъ будетъ пользенъ, что станетъ надѣдять королю, — онъ готовъ проклясть его и никого не побоится...

— Пусть только проклянетъ, — прервалъ смѣясь Оттонъ Топорчикъ. — Вѣдь и король находится подъ покровительствомъ того же закона, который утвержденъ имъ самимъ и въ которомъ сказано, что всѣ крестьяне могутъ уйти отъ проклятого господина. Въ такомъ случаѣ и намъ легче будетъ освободиться отъ него, на основаніи того же закона.

Многіе разсмѣялись, а нѣкоторые подтвердили это мнѣніе. Люблинскіе землевладѣльцы, — Пшонка, Оттонъ и Янина, начали шептаться между собою. Наконецъ, Пшонка опять громко заговорилъ. Собравшіеся уйти окружили его.

— Священникъ и говорить по-священнически, — отозвался онъ, собирая взглядомъ слушателей вокругъ себя. — И онъ отчасти правъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не стыдъ и не позоръ, что королева сидитъ въ Жарковцахъ, а ему каждый день приводятъ новыхъ женщинъ... Мало ему еще своихъ, такъ нѣтъ, привозятъ венгеровъ, чешекъ, нѣмокъ и другихъ... Какъ началъ съ язычницы-литвинки, такъ и пошелъ искать все новыхъ плодовъ, которые только надкусываетъ и бросаетъ, а слуги подбираютъ и доѣдаютъ... Вотъ увидите: когда всѣхъ переберетъ, то дойдетъ очередь и до жидовки! Этого только и недоставало, а оно навѣрное будетъ... Не дай Богъ, чтобъ я оказался вѣщуномъ такого срама!

Послѣднее восклицаніе обратили въ шутку.

— Да, пусть его довольствуется, чѣмъ и кѣмъ хочетъ, —

это не наше дѣло, а ксендза Барычки и исповѣдниковъ... Пусть беретъ себѣ хоть вѣдму, только бы онъ уважалъ, соблюдалъ и охранялъ права рыцарей. Тѣмъ хуже для него, что онъ отталкиваетъ насъ отъ двора и своихъ милостей. Окружилъ себя такими любимцами, какъ, напримѣръ, Боханъ, который не кланяется даже воеводамъ, а ему—всѣ, или Добекъ Бончъ, который деретъ носъ кверху, точно онъ лучше другихъ. Наконецъ, кто подлѣ него стоитъ? Мѣщанинъ, полуиѣмецъ Вѣржинокъ, жидъ Левко и... чортъ знаетъ еще кто!

— Всякій холопъ, всякій рабъ!—воскликнулъ, бормоча по своему Неорза, — и я объ этомъ знаю больше другихъ. У меня тоже былъ одинъ кметъ Лекса, прозванный Вѣдуномъ, совсѣмъ простой мужикъ, и что вы думаете? Король ѣздилъ къ нему въ гости, угощался въ его хатѣ, бесѣдовалъ съ нимъ какъ съ порядочнымъ человѣкомъ, совѣтовалъ ему и слушалъ его жалобы. И вотъ я этого пса, когда онъ осмѣлился поѣхать въ Вислицу и король, должно быть, благодарилъ его за посѣщеніе, лично убилъ за то, что онъ, встрѣтись со мною на обратномъ пути, дерзко отвѣтилъ на мой вопросъ... Пусть знаютъ другіе, что кметы не смѣютъ задирать своего носа и равняться съ нами.

— Что касается жидовъ, о которыхъ вы говорите,—живо отозвался Оттонъ изъ Щекаржевицъ, — то вѣдь это правда. Онъ защищаетъ ихъ и бережетъ больше, чѣмъ христіанъ, хотя они и замучили Христа... Спрашивается—почему? Ха-ха! Потому что, благодаря имъ и мѣщанамъ, деньги въ его сокровищницу плывутъ рѣкою, а вѣдь онъ жаждетъ до золота. Еще на Руси онъ наполнилъ казну, которую возами перевозили въ Краковъ, такъ что даже оси ломались. Одинъ золотой тронъ съ драгоценными камнями по кулаку чего стоилъ!.. А двѣ короны и жезлы, большой крестъ и разная утварь, золотые рога и разная посуда?.. Этого добра и не сочтешь! Мало того, его другъ Богорья отдалъ ему все церковное серебро изъ гнізненскихъ церквей. Кажется, ужъ у него достаточно всего, есть чѣмъ платить и дарить крестоносцевъ, чеховъ и венгровъ... есть чѣмъ отличиться и роскошествовать! Но, нѣтъ! ему все мало... Посмотрите на его дворъ: такимъ ли онъ былъ при Локтѣ, ходившемъ въ простой епанчѣ? Теперь что у него

дѣлается? Вездѣ красное сукно и жемчугъ, золото сыплется даже съ конюховъ. Хочетъ соперничать своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ съ царями! Да намъ-то какая отъ этого польза? Для всего этого у него есть Вѣржинокъ, котораго онъ ужъ сдѣлалъ рыцаремъ, жидъ Левко и другіе, которые доставляютъ ему деньги. Теперь считаютъ каждую грудочку соли, вѣшаютъ ее на вѣсахъ и изъ всего извлекаютъ пользу, и тамъ, гдѣ прежде пользовались дворяне, теперь пользуется онъ и казна. Поэтому онъ и любитъ жидовъ, что они деньги доставляютъ. Такая ужъ у него натура, и чѣмъ хуже и подлѣе чернь, тѣмъ она больше нравится ему. Если къ нему придутъ два человѣка съ просьбой или жалобой, то онъ непременно заговоритъ прежде съ бѣднѣйшимъ, а если къ нему явится рыцарь какого-либо древняго рода, то онъ, прежде чѣмъ заговоритъ съ нимъ, смѣряетъ его глазами и рѣдко когда скажетъ ласковое слово. Нищій на дорогѣ, мужикъ у сохи, жидъ въ ничтожной избенкѣ — его любимцы. Онъ никого изъ нихъ не обойдетъ, самъ затронетъ, остановится, будетъ говорить и обласкаетъ. Что касается жидовъ, то я самъ видѣлъ, собственными глазами...

— Что такое? что? — спросили любопытные, плотнѣе окружая Оттона. — Что вы видѣли?

Неорза усмѣхнулся. Онъ былъ радъ, что обвиняли короля, и поэтому бурчалъ:

— Это холопскій король, холопскій.

Между тѣмъ Оттонъ отдохнулъ и продолжалъ:

— Въ прошломъ году, когда Господь наказалъ насъ ужаснымъ моромъ, занесеннымъ къ намъ, какъ одни говорятъ, вѣтромъ, а другіе — купцами, люди падали какъ мухи. Въ странѣ царствовала такая паника, что люди мерли отъ одного страха, хотя и не были одержимы ни вередями, ни черной оспой, ни бубонами. Всѣ, кто могъ, бѣжали изъ Кракова, потому что тамъ эпидемія, какъ говоритъ отецъ Барычка, безжалостно мстила за святотатственное оскорбленіе Святыхъ Даровъ. Только мѣстами оставались ксендзы и монахи для напутствованія умирающихъ и отдачи послѣдняго долга. Нельзя было напасть на гробовъ, и труны валялись гдѣ попало, которые потомъ бросали безъ разбора въ общія ямы, чтобы избавиться

отъ смрада... Короля въ началѣ повѣтрія не было въ Краковѣ, и онъ, какъ будто наперекоръ волѣ Божьей, несмотря на просьбы спрятаться въ лѣсу, вернулся домой, прямо въ замокъ на Вавелѣ. Это было какъ разъ въ то время, когда люди достовѣрно узнали, что этотъ моръ ниспосланъ Богомъ изъ-за жидовъ, за ихъ грѣхи... Вслѣдствіе этого, было постановлено побить ихъ и потопить, чтобы умалить Бога и предотвратить несчастье. Нѣкоторые изъ евреевъ, предупрежденные о томъ, бѣжали, а нѣкоторыхъ христіане попрытали за деньги въ погребахъ и ямахъ. Тогда мнѣ даже не снилось ѣхать въ Краковъ, въ самую пасть чудовищнаго повѣтрія; но вдругъ я узналъ, что тамъ заболѣлъ мой старый отецъ, который призывалъ меня спасти его или похоронить... Нечего было дѣлать, и я, запасшись благословеніемъ священника, разными заклятіями и травами отъ знахарокъ, отправился къ отцу. Я рѣшилъ подѣхать въ крытой кибиткѣ къ его квартирѣ, уложить его и, не трогая тамъ ни хлѣба, ни капли воды, тотчасъ вернуться въ Щекаржевицы. Но я попалъ въ самое скверное время, когда народъ возсталъ противъ жидовъ и началъ ужъ мстить имъ. Словомъ, я попалъ въ самый разгаръ. Весь рынокъ, торговая площадь, улицы и переулки были переполнены чернью. Никогда въ жизни я еще не видалъ столько людей, которые, какъ дикіе звѣри, немилосердно бросались на жидовъ, были ихъ и убивали... Чернь вытаскивала ихъ отовсюду, гдѣ только они ни прятались, отчасти полуживыхъ, отчасти уже поколѣвшихъ, душила ихъ веревками или рубила головы... И напрасно они просили въ страхѣ крестить ихъ, — ихъ убивали поголовно, старыхъ и молодыхъ, женщинъ и дѣтей, чтобы отъ нихъ не оставалось даже сѣмени... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трупы ихъ лежали цѣлыми кучами; вездѣ ихъ было полно: и въ канавахъ, и въ оврагахъ, и на улицахъ. Всѣ они были обнажены, изрублены, посинѣвшіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернь, утомившись убійствомъ этой нечести, загоняла ихъ прямо въ рѣку, а кто не шелъ, того волокла на веревкахъ, привязывала камни къ шеѣ и топила. Во всемъ городѣ стоялъ вой, плачь и стоны, которые заглушали колокольный звонъ. Я вынужденъ былъ пробивать себѣ мечомъ дорогу къ отцу, потому что и меня чуть не запрягли въ эту адскую работу. Остервенив-

шійся народъ не обращалъ ни на кого вниманія и требовалъ участія въ бойнѣ. Наконецъ, я ужъ былъ неподалеку отъ замка, какъ вдругъ увидѣлъ сцену, которую будто вижу и теперь, какъ изъ каменнаго дворца, у котораго были выломаны ворота и лежали на землѣ, палачи выволокли изъ погреба цѣлую жидовскую семью. Въ ней былъ одинъ старикъ съ сѣдой бородою, весь оборванный и худой, съ обритой головой и веревочной петлей на шеѣ; было двое младшихъ, которые ломали руки, становились на колѣни и упирались, такъ что ихъ пришлось тащить волокомъ; была и старая жидовка, у которой отнялся отъ страха языкъ и которая защищала собою десятилѣтнюю дѣвочку, дочь или внучку. Ея руки были сильно искалѣчены, но она держала дѣвочку съ такою силой, что ее не могли отнять трое здоровыхъ мужчинъ... Толпа разсвирѣпѣвшихъ людей гнала ихъ передъ собою. Одинъ былъ убитъ и упалъ лицомъ на землю; изъ другихъ лилась кровь, жидовка тоже была изрублена, но она какъ будто не чувствовала боли и продолжала защищать ребенка отъ смерти. Дѣвочка эта, хоть и жидовка, была до того красива, что я не могъ оторвать отъ нея своего взгляда, точно она была благородной крови. Ея черные волосы были распущены и достигали почти до колѣнъ; изъ-подъ разорванной одежды виднѣлось бѣлое, какъ слоновою костью, нѣжное тѣло; черные глаза свѣтились точно два уголька... Она держалась окровавленными ручками за мать или бабушку, такъ что мнѣ, несмотря на то, что это была жидовка, сдѣлалось жаль бѣдняжки. Вѣроятно, ее тотчасъ бы убили, потому что собиралась все большая толпа людей, которые сѣкли и рубили старуху, продолжавшую защищать дѣвочку, какъ волчица своего дѣтеныша, какъ вдругъ король выѣхалъ на лошади изъ замка и бросился съ нѣсколькими своими придворными на эту толпу съ обнаженными мечами... Я остановился посмотрѣть, въ той увѣренности, что и онъ приложитъ свое стараніе побить невѣрныхъ, но тутъ случилось то, чего я никакъ не ожидалъ... Какъ самъ король, такъ и его люди напали не на жидовъ, а на толпу, мучившую ихъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ ранилъ нѣсколькихъ изъ черни, разгоняя ее. Онъ соскочилъ съ коня, подбѣжалъ прямо къ старухѣ съ ребенкомъ и началъ защищать ихъ собою. Жи-

довка схватилась своими окровавленными руками за его платье, а онъ обнялъ дѣвочку и закрылъ ее епанчею. Старшіе изъ этой семьи попадали къ его ногамъ и начали обнимать ихъ. Коханъ и Добекъ, находившіеся при немъ, громко крикнули: «Прочь, разбойники!» Ихъ мечи были обнажены, и толпа, хотя была разсвирѣпѣвши, попыталась назадъ, не смѣя послушаться воли повелителя. Въ то же время и другіе жида, находившіеся поблизости, пользуясь случаемъ, что чернь смутилась и оставила ихъ въ покоѣ, бросалась съ воплями къ королю, который уже велѣлъ разогнать толпу, и я самъ видѣлъ, какъ онъ взялъ за руку старую жидовку и, прикрывая дѣвочку своей епанчею, пошелъ нѣшкомъ въ замокъ, приказавъ слѣдовать за собою родственникамъ этой семьи, а дворовымъ людямъ разгонять чернь и приказывать не обижать жидовъ. Такимъ образомъ кончилось тогда кровопролитіе и большая половина жидовъ ушла изъ города. Нѣкоторые изъ нихъ нашли пріютъ въ замкѣ, а нѣкоторые уходили переодѣтыми по ночамъ въ другіе города и мѣстечки, въ которыхъ сумѣли спрятаться. Потомъ ходили слухи, что король приказалъ своему придворному доктору перевязать раны у избитыхъ жидовъ, самъ смотрѣлъ за ними, пока они поправились, и успокоился только тогда, когда отправилъ ихъ подъ стражей въ своемъ королевскомъ экипажѣ въ мѣстечко Опочно. Если-бъ я самъ не видалъ, то не повѣрилъ-бы, что король рѣшился обогреть свои руки кровью, защищая этихъ невѣрныхъ жидовокъ.

Кончивъ свой разсказъ, Оттонъ замолчалъ.

— Объ этихъ жидовкахъ, старухѣ и дѣвочкѣ, я и самъ слышалъ не разъ, — отозвался Неорза. — О нихъ много говорили. Мнѣ разсказывалъ Говорокъ, жившій въ замкѣ, что онъ такого красиваго подростка дѣвочки не видалъ во всю свою жизнь. Хотя это былъ еще полуребенокъ, но красота дѣвчурки заставила короля забыть, что она жидовка. Всѣ удивлялись и не могли понять, какимъ образомъ Господь далъ невѣрной дѣвченкѣ такое тѣло и фигуру, которымъ бы позавидовали царевны. Говорокъ разсказывалъ, что она очень умна, смѣла и горда не по годамъ. Какъ самъ король, такъ и придворные не могли наслушаться ея разсказовъ о томъ, какъ ихъ мучили...

— Что толку въ красотѣ и умѣ, — прервалъ Пшонка, когда

они—жидовскіе, и къ нимъ король не долженъ былъ ни прикасаться, ни имѣть общенія съ жидами. Но сатана-искуситель часто облакаетъ своихъ чадъ ангельскими достоинствами... Было бы гораздо лучше эту нечисть совсѣмъ искоренить, чтобъ отъ нея не осталось и духа.

— Но вѣдь эти жидаы, кажется, родственники тѣхъ, которые держутъ соляныя копи и чеканятъ деньги,—отозвался Янина,—и онъ спасъ ихъ изъ-за того, что не можетъ безъ нихъ обойтись.

Неорза, вспомнивъ своихъ лошадей и величкинскихъ арендаторовъ копей, послалъ имъ проклятье.

— Дастъ Богъ,—сказалъ онъ,—когда-нибудь мы еще отомстимъ этимъ хриstopродавцамъ, а также и тому, который любитъ ихъ, и совсѣмъ изгонимъ изъ края... Тогда будетъ лучше.

Эта смѣлая угроза многимъ пришлась по мысли, но не нашла отклика и осталась какъ будто незамѣченной. Хотя всѣ были недовольны королемъ, но боялись громко выражать свои недовольствія.

Мацѣкъ Борковичъ прислушивался съ презрительной улыбкой, покачалъ головой и, окинувъ всѣхъ взглядомъ, произнесъ:

— Хе-хе! напрасная трата словъ, милостивые государи! Каждый можетъ показать кукишъ въ карманѣ, но не каждый берется за дѣло. Я, не хвалясь, говорю, что я собираю моихъ великополянъ въ кучу и совѣтую вамъ дѣлать тоже самое... Одной болтовней ничего не сдѣлаешь: нужны не слова, а дѣло.

И, поправивъ свой колпакъ, онъ слегка кивнулъ головой хозяину, и гордо поступью ушелъ, даже не взглянувъ на другихъ.

Когда все это происходило въ домѣ Неорзы и когда гости ужъ начали расходиться и разъѣзжаться по одиночкѣ, чтобы не обратить на себя вниманія, какой-то, молчавшій все время, человѣкъ, который неизвѣстно какъ попалъ въ собраніе и не былъ своевременно замѣченъ, вдругъ юркнулъ въ дверь и, закутавшись въ придворную епанчу, началъ пробираться пѣшкомъ около заборовъ по направленію къ рынку.

Онъ ужъ былъ за дверью, когда хозяинъ, подогрѣваемый

разговорами и не замѣчавшій, кто былъ у него изъ гостей, только теперь увидѣлъ уходящаго незнакомца, хотѣлъ вернуть его, но опоздалъ.

Около Неорзы стоялъ Якса, который ухаживалъ за его дочерью и часто бывалъ у него. Несмотря на то, что онъ служилъ при дворѣ и стоялъ за короля, его не боялись, надѣясь, что онъ не измѣнитъ будущему тестю.

— Кто это такой?—спросилъ его Неорза, указывая пальцемъ на ушедшаго за дверь.

— Не знаю,—возразилъ Якса.

— Кто же его привелъ? Съ кѣмъ онъ пришелъ сюда?—съ беспокойствомъ прибавилъ хозяинъ.— Не вы?

— Нѣтъ, не я.

— Ахъ, чортъ возьми!—воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ.— Кто бы это былъ? Онъ все время стоялъ, развѣсивъ уши. Какъ бы онъ не пошелъ ко двору съ доносомъ.

И Неорза схватился за голову, припоминая, кто къ нему привелъ незнакомаго дворянина, котораго никто не стѣснялся, считая его своимъ.

Но Якса отчасти успокоилъ его, говоря, что навѣрное онъ не былъ посланъ для подслушиванія и самъ не рѣшился бы войти. Значить, кто-либо привелъ его и ручался, какъ за своего собрата.

— Вы тоже не принадлежите къ намъ,—замѣтилъ ему Неорза,—но я увѣренъ, что вы не станете доносить на насъ...

Якса взглянулъ на него и вспыхнулъ:

— Я пришелъ къ вамъ не затѣмъ, чтобы подслушивать и доносить,—сказалъ Якса. — Правда, мнѣ очень больно, что всѣ вы говорили о королѣ, потому что я люблю его; но не мое дѣло доносить о томъ, что было сказано, довѣряя мнѣ, въ моемъ присутствіи. Да наконецъ,—прибавилъ онъ, приближаясь къ воеводѣ,—въ замкѣ и безъ того извѣстно все, что дворяне говорятъ о королѣ... Объ этомъ все знаетъ любимецъ короля, Коханъ Рава, а о чемъ онъ знаетъ сегодня, то король навѣрное узнаетъ завтра.

Неорза сморщился, сдѣлалъ жестъ и плюнулъ. Гости разошлись и Якса тоже попрощался.

Хозяинъ не удерживалъ его и, измученный, легъ въ постель, досадуя на то, что все случилось не такъ, какъ онъ хотѣлъ.

Между тѣмъ незнакомецъ, обезпокоившій Неорзу и гостей своимъ незамѣченнымъ присутствіемъ, отправился прямо въ королевскій замокъ. Это былъ Пшедборъ Задора, служившій вмѣстѣ съ своимъ братомъ Пакославомъ при дворѣ и находившійся не столько въ услугахъ короля, сколько Кохана, и король даже рѣдко видѣлъ его.

Оба брата служили вѣрно королевскому любимцу, и онъ платилъ имъ за это довѣріемъ короля, ручаясь ему за ихъ честность.

Пшедборъ и Пакославъ Задоры происходили изъ бѣдной дворянской семьи и прислуживали при дворѣ, не брезгая никакими порученіями. Братья были у Кохана послами, посредниками, помощниками и всемъ, чѣмъ ему нужно было. Оба они какъ будто были созданы для придворной жизни; оба были молчаливы, смиренны, покорны, расторопны, осторожны, неутомимы, отважны, храбры и готовы на все. Сами по себѣ они ничего не дѣлали и не рисковали собственнымъ умомъ, чтобы не отвѣчать своей шкурой; но всякія порученія исполняли съ полнымъ самоотверженіемъ, усердіемъ и ловкостью. Коханъ не могъ обойтись безъ нихъ. Несмотря на то, что онъ былъ при дворѣ незамѣтнымъ человѣкомъ, не пользовался никакимъ титуломъ и не занималъ высокаго поста, но онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, съ которыми все должны были считаться и быть осторожными, хотя бы то были сановники. Когда нужно было приготовить къ чему-либо короля, то приходилось поклониться ему. Даже архіепископъ Богорья и другіе потихоньку обращались къ нему.

Коханъ былъ неподкупенъ ни лестью, ни подарками, и гордился своею силою. Если ему не нравилась какая либо просьба, то онъ наотрѣзъ отказывался замолвить слово и потому ужъ его нельзя было уговорить.

Мы ужъ знаемъ, какія отношенія связывали его съ королемъ. Они выросли вмѣстѣ, Казиміръ отлично зналъ, что ему можно довѣрить и о чемъ умолчать, а когда нужно было, то ужъ никто не могъ лучше Кохана исполнить его волю. При

людяхъ, онъ казался покорнымъ слугою, а наединѣ съ королемъ—товарищемъ, котораго онъ, по временамъ, даже бранилъ и распекалъ.

Безъ Кохана Равы король не могъ обойтись, хотя, въ свою очередь, часто долженъ былъ обуздывать его самоволіе. Онъ лучше всѣхъ зналъ, что касалось короля, что дѣлалось въ государствѣ, въ городѣ, въ замкѣ, и доносилъ ему только то, что находилъ нужнымъ, чтобы дошло до слуха короля.

Коханъ и Вѣржинокъ, съ которымъ онъ былъ въ большой дружбѣ, составляли тайный совѣтъ по особо-важнымъ дѣламъ короля Казимира: они устраивали, услаждали и облегчали его жизнь, охраняя его нерѣдко отъ тяжелыхъ нападокъ и оскорбленій. Передъ нимъ ничего не скрывалось; а у нихъ всегда были глаза и уши открыты. Разумѣется король щедро награждалъ ихъ, но они любили его не изъ-за награды или подарковъ, а просто какъ человѣка, и они одни знали его такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Люди, что цвѣты, издають ароматъ, но не всегда соотвѣтствуютъ своему качеству и не обнаруживаютъ того, что въ нихъ заключается. Часто ядовитый цвѣтокъ пахнетъ великолѣпно, а полезный издаетъ противный запахъ. Точно также и слава человѣческая: она бываетъ справедливой и несправедливой, часто превозноситъ то, что не заслуживаетъ вниманія, и порицаетъ то, что достойно поощренія и памяти.

Такимъ образомъ, въ королѣ видѣли въ то время лишь то, что хотѣли видѣть, но его не знали даже близко стоящіе въ нему сановники, какъ напримѣръ архіепископъ Богорья, о. Суховильскъ, Мельштинскій, Трепка, Вѣржинокъ и даже Коханъ. Каждый изъ нихъ зналъ только одну какую либо часть этого человѣка, какъ короля, повелителя, друга или пріятеля, думая, что она составляла цѣлое. Но какъ великаго, несчастнаго и обремененнаго заботами короля могло разгадать только будущее, по его дѣйствіямъ... Одни называли его жаднымъ, другіе—гордымъ, самовольнымъ, разнузданнымъ...

Что касается названія его «крестьянскимъ или холопскимъ королемъ», то оно произошло вслѣдствіе неудовольствія на него рыцарей; но онъ отнюдь не лишалъ ихъ ни свободы ни привилегій, а только хотѣлъ заботиться, наравнѣ съ ними,

какъ о мѣщанахъ и жидахъ, такъ и о вольныхъ крестьянахъ; будучи самъ рыцаремъ, онъ хотѣлъ быть въ то же время хорошимъ хозяиномъ.

Какъ Неорза не могъ простить ему прогнанныхъ лошадей, такъ другіе того, что онъ вступался за обиды крестьянъ, хотѣлъ чинить судъ и расправу равные для всѣхъ, способствовалъ благоустройству городовъ и радовался тому, что мѣщане богатѣютъ.

Вновь нарождающійся средній классъ, быстрый ростъ котораго недовольные люди мѣтили прекратить, сдѣлался опаснымъ для рыцарей. Но король имѣлъ свое въ виду, и со временемъ, при случаѣ, могъ опереться на него, поставивъ его противъ замысловъ поповъ и шляхты.

Король Казиміръ отлично зналъ, что о немъ говорили и какъ судили, но онъ держалъ себя по отношенію къ этому точно такъ же мужественно, какъ его отецъ противъ непріятеля. Онъ не заботился о недовольствѣ и озлобленномъ мнѣніи дворянъ, не боялся мести и не отступалъ передъ ревомъ толпы. Вѣдь роптали же на него за Вислицкіе законы, однако онъ провелъ ихъ, поставивъ на своемъ.

Вмѣстѣ съ мужествомъ, онъ обладалъ мудрымъ обыкновеніемъ никому не говорить о томъ, что замышлялъ дѣлать, а если и говорилъ, то съ немногими и избранными, а когда у него мысль родилась и созрѣла, то онъ ужъ ни у кого не спрашивалъ, понравится ли она, и исполнялъ, что рѣшилъ.

Это скромное молчаніе часто заставляло людей догадываться, что онъ думаетъ, какъ рѣшить, куда пойдетъ и что будетъ дѣлать, и они боялись его.

Послѣ морового повѣтрія, которое большая часть духовенства считала Божескимъ гнѣвомъ и карой за грѣхи короля; послѣ оказаннаго покровительства жидамъ и послѣ даннаго ему дворянами титула „короля хлоповъ“, онъ ужъ зналъ, что у него образовалось много недовольныхъ, но отнюдь не заботился о примиреніи съ ними; и когда Боханъ перечислялъ ихъ, то онъ только улыбался и встряхивалъ головою.

— Я не стану мстить за слова, — говорилъ онъ своему любимцу, — но если кто сдѣлаетъ преступленіе, то, для примѣра

другимъ, ни за что не прощу. Слова это — вѣтеръ, и тотъ кто много говоритъ, обыкновенно, ничего не дѣлаетъ.

Такимъ образомъ, онъ не преслѣдовалъ ни Неорзу, ни другихъ и смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ.

На слѣдующій день послѣ сходки у Неорзы, Коханъ, получивъ всѣ свѣдѣнія отъ Пшедбора, вошелъ утромъ въ королевскую опочивальню, съ цѣлью рассказать королю о вчерашнемъ заговорѣ.

Король въ это утро всталъ изнуренный и, какъ это съ нимъ часто случалось, казался совсѣмъ ослабшимъ подъ тяжкимъ бременемъ жизни. Съ момента извѣстной трагедіи въ Венгріи, а тѣмъ болѣе послѣ несостоявшейся свадьбы въ Прагѣ и затѣмъ его женитьбы на Аделаидѣ, на него находили такія минуты неудовольствія и разстройства, что даже Коханъ, знавшій его больше другихъ, ничѣмъ не могъ его развлечь. Въ такія минуты Казиміръ былъ молчаливъ и равнодушенъ ко всему, ничего не желалъ и ничто его не трогало. Часто Коханъ вынужденъ былъ повторять по нѣскольку разъ вопросы, пока онъ понималъ ихъ, приходилъ въ себя и отвѣчалъ.

Именно въ такіе дни Коханъ старался его развлечь, говорилъ о женщинахъ, приглашалъ къ столу веселыхъ собесѣдниковъ, подбиралъ шуту Шубкѣ товарищей и заставлялъ ихъ продѣлывать всякую всячину; а когда ужъ и это не помогало, то обращался къ о. Суховильку, который подавалъ ему какую-либо серьезную мысль и этимъ выводилъ его изъ апатіи.

Такъ, послѣ несостоявшейся свадьбы съ Маргаритой въ Прагѣ, онъ вылъчилъ его, забросивъ въ его сердце искру относительно Вислицкихъ Статутовъ; далѣе внушилъ мысль строить каменные замки, упорядочить города, проводить и очищать большія дороги, копать пруды и каналы, и этимъ король жилъ.

Но черезъ нѣкоторое время, когда новая мысль воплощалась и теряла свой интересъ, какъ исполненная и приведенная къ желанной цѣли, нужно было придумывать что либо новое для питанія его души и удовлетворенія умственныхъ потребностей. Вѣчно разбереженною и не заживающею

раной для Казимира являлось его бездѣтное состояніе, то есть, неимѣніе наслѣдника престола и перспектива передачи его въ постороннія руки. Ему не хотѣлось быть послѣднимъ въ роду и оставить королевство безъ прямого наслѣдника. Надежды, которыя онъ возлагалъ на Аделаиду, женившись по выбору маркграфа Карла, не оправдались. Онъ отослалъ королеву въ Жарновцы, питалъ къ ней непреодолимое отвращеніе и считалъ ее помѣхой къ счастью, которое она не могла ему дать.

Для расторженія съ нею супружескихъ отношеній было достаточно вѣскихъ причинъ. Прежде всего, она была безобразна и глупа, благодаря чему, достигнувъ высокаго положенія королевы, равнодушно переносила свое изгнаніе. Этой безобразной нѣмкѣ казалось, что она сдѣлала великую честь и осчастливила владѣльца польскихъ пустынь и лѣсовъ. Она была увѣрена, что онъ долженъ любить ее, но расположить его къ этой любви ничѣмъ не могла, кромѣ своей грубости и безобразія, вслѣдствіе чего совсѣмъ опротивѣла ему. Даже теперь, давно уже не видя мужа, она была убѣждена, что онъ долженъ возвратиться. Въ ожиданіи его, она красила свои рыжеватые волосы и увядавшія пятнистыя щеки, и, придавая себѣ искусственную красоту, она еще больше безобразила себя.

И такъ проходили мѣсяць за мѣсяцемъ и годъ за годомъ; но дворъ, рассказывая ей разныя небылицы, поддерживалъ ее въ этомъ самообманѣ.

Можетъ быть король Казимиръ еще преодолѣлъ бы свое отвращеніе къ этой женщинѣ изъ любви къ своему роду, но королева Елисавета Венгерская, его сестра, стояла на стражѣ, слѣдя за тѣмъ, чтобы обѣщанный ей сыну польскій престолъ не выскользнулъ изъ рукъ. Она и ея пріятели, окружавшіе короля, среди которыхъ находились первоклассные сановники, старались доносить ей объ Аделаидѣ и увеличивать то отвращеніе, которое она разжигала въ Казимирѣ. Боясь лишиться обѣщанной ей сыну Людовику короны, она общалась рыцарямъ полнѣйшую свободу и духовенству — большія милости, требуя только отъ нихъ небольшой услуги, въ видѣ маленькаго и незамѣтнаго содѣйствія, чтобы Казимиръ не жилъ ни съ этой, ни съ какой другой женой, и лучше обзаводился любовницами и незакон-

нымъ потомствомъ, но не прямымъ наслѣдникомъ. Для этой цѣли, какъ говорили, изъ Венгріи шли въ Польшу большія суммы денегъ, якобы въ уплату за трудъ наблюдающихъ за королемъ. Лица, боявшіяся соединенія Польши съ Венгріей, старались склонить короля примириться съ безобразіемъ королевы, и Казиміръ пріѣзжалъ въ Жарновцы съ твердымъ намысленіемъ сблизиться съ женой, но та тотчасъ отталкивала его своей самоувѣренностью въ побѣдѣ, гордостью, грубою любезностью, смѣшной фигурой, кичливостью и какимъ-то наивнымъ убѣжденіемъ въ своей красотѣ, которою не обладала. Она не была ни простой холопкой, ни полудобродушнымъ ребенкомъ лѣсовъ, ни такою женщиной, какъ Маргарита, воспитанная при рыцарскомъ дворѣ и знающая всѣ тонкости свѣтскихъ обычаевъ и обхожденія. Въ ней было какое-то грубое мѣщанство и странная напыщенность, доказывающая всю ея ничтожность.

Послѣ каждой такой встрѣчи съ нею, король съ большимъ отвращеніемъ бѣжалъ отъ нея.

Между тѣмъ королева Аделаида, слыша, что ея мужу привозили со всѣхъ сторонъ много любовницъ, и полагая, что онъ черезчуръ страстный, старалась вызвать у него эту страсть такимъ вульгарнымъ образомъ, что возбуждала только стыдъ и презрѣніе къ себѣ. Послѣ этого она не умѣла иначе объяснить себѣ его бѣгства, какъ только колдовствомъ и наущичаньемъ фаворитовъ королевы Елисаветы, объ интригахъ которой ей доносили.

Король возвращался отъ жены точно отравленный, и Коханъ скорѣе увозилъ его въ одинъ изъ тѣхъ дворцовъ, въ которыхъ онъ держалъ для него дѣвицъ, дышавшихъ красотою, свѣжестію и молодостію, и которыхъ онъ насильно навязывалъ своему господину. Король соблазнялся и поддавался искушенію, однако не надолго: такая жизнь надоѣдала ему. Но такой жены, которая отвѣчала-бы его сердечнымъ влеченіямъ и мыслямъ, по его мнѣнію, не было на свѣтѣ. Можетъ быть, она умерла въ мученіяхъ вмѣстѣ съ Кларой, а можетъ быть въ неутѣшной печали вмѣстѣ съ вдовушкой Маргаритой.

Вскорѣ посѣщенія королемъ Жарновцевъ совсѣмъ прекратились, и Коханъ, видя его по возвращеніи всегда раздражен-

нымъ и измученнымъ, старался, по возможности, отговорить его отъ поѣздокъ въ Жарновцы.

Королевѣ жилось хорошо. У нея былъ значительный дворъ: она пользовалась всѣми королевскими почестями и забавами, какія только она хотѣла, выписывала изъ нѣмецчины пѣвцовъ, фокусниковъ и шутовъ, одѣвалась всегда въ богатые наряды и бесѣдовала съ духовенствомъ, которое утѣшало ее, обѣщая ей постоянно лучшее будущее. Но для враговъ короля такая его расторженность съ законною супругою была сильнымъ орудіемъ для отвращенія отъ него людей. Они пользовались рассказами о временныхъ любовницахъ короля, чтобы представить его въ ихъ глазахъ развратникомъ, вѣроломцемъ и разнузданнымъ человѣкомъ.

Боханъ, войдя въ королевскую спальню и видя короля печальнымъ и безцѣльно смотрящимъ неизвѣстно куда, робко заговорилъ:

— Милостивый король! пора-бы ужъ злымъ людямъ позамазать нечестивые рты.

Казиміръ разсѣянно взглянулъ на него и отвѣтилъ однимъ пожиманіемъ плечей.

— Опять стали собираться у Неорзы,—продолжалъ Рава.— Число недовольныхъ умножается, а такъ какъ имъ все сходится съ рукъ безнаказанно, то они распускаютъ языки, какъ пастухи свои бичи.

— Что же они говорятъ? — равнодушно спросилъ его король.

— Все то же! Этотъ дерзкій Барыча не даромъ считается родственникомъ Амадеевъ. Онъ тоже венгерецъ, хотя его отецъ и былъ женатъ на полькѣ. Барычка грозитъ разбранить васъ съ кафедры, не пощадить ни архіепископа, ни епископа за то, что они не внушаютъ вамъ жить съ женой и бросить... возлюбленныхъ, точно само духовенство не имѣетъ любовницъ...

— Возлюбленные? любовницы?—повторилъ король съ холодною усмѣшкою.—Гдѣ же онѣ? Вѣдь я не держу ихъ при дворѣ.

Боханъ молчалъ.

— Ни архіепископъ, ни епископъ не позволятъ этому безумцу наброситься на меня,—прибавилъ король.

— Кто знаетъ?—возразилъ Коханъ.—Епископъ Бозантъ не то, что спокойный Янгротъ. Онъ стремится придратъся къ чему-нибудь, и если ему будетъ мало сондецкихъ монахинь, то онъ можетъ накинуться на короля.

— Ну, а еще кто былъ у Неорзы?—спросилъ король, помолчавъ.—Впрочемъ, все равно. Вѣдь Неорза—глупый человѣкъ и его нечего бояться. Его никто не уважаетъ и никто не поидеть за нимъ.

— Однако-же и такіе люди, какъ Мацѣкъ Борковичъ, ходятъ къ нему,—замѣтилъ Коханъ.—Вчера онъ былъ у него, а онъ не глупый человѣкъ и у него въ Великопольшѣ много приверженцевъ.

Казиміръ быстро взглянулъ на него, точно его что кольнуло.

— Борковичъ?—спросилъ онъ. — Что же онъ можетъ питать противъ меня? Вѣдь я пожаловалъ его... и обласкалъ милостями!.. Неужели онъ еще не благодаренъ мнѣ?

— Не знаю; одно вѣрно, что онъ заодно съ тѣми, которые недовольны вами.

Король какъ будто не довѣрялъ.

— Это хитрый человѣкъ,—сказалъ онъ,—и можетъ быть только ищетъ случая узнать ихъ замыслы.

— Все-таки я не довѣрялъ бы ему, потому что онъ стремится къ власти.

Еще кто былъ?

— Было ихъ тамъ много. Былъ Пшонка, Янина, Оттонъ изъ Щекаржевицъ.

Они помолчали минуту. Король призадумался.

— Оттонъ рассказывалъ имъ сказку, какъ вы спасли въ прошломъ году жидовъ, въ особенности дѣвочку, мать которой сильно изрубили.

Король Казиміръ вдругъ просіялъ.

— Ахъ, какая красавица она!—воскликнулъ онъ. — Я въ жизни своей не видалъ прекраснѣе ея личика и глазъ!. А что же изъ нея выйдетъ, когда она вырастетъ?.

Король вздохнулъ.

— Пропадетъ эта дивная красота между грязной жидовщиной!—прибавилъ онъ тихо.

Коханъ внимательно посмотрѣлъ на короля, точно желая запомнить его слова.

Разговоръ на минуту прекратился.

— Милостивый король!—отозвался Коханъ, помолчавъ.— Хорошо было бы посадить Неорзу гдѣ-либо на Руси, въ какомъ-нибудь замѣѣ, чтобы онъ не сѣялъ здѣсь раздора и чтобы молчали всѣ другіе.

Король расхохотался.

— Чтобы я, король и государь, сталъ бояться такого чело-вѣка! Черезчуръ много чести для него! Дураковъ мнѣ нечего бояться!

И онъ презрительно пожалъ плечами.

Въ этотъ моментъ постучали въ дверь. Коханъ, принявъ смиренный и почтительный видъ слуги, отошелъ къ порогу. По стуку и по походкѣ, оба узнали ксендза Суховилька, который вошелъ серьезно, безъ всякихъ фамиллярностей и безъ униженія, какъ чело-вѣкъ, который умѣлъ цѣнить свое и королевское достоинства и былъ увѣренъ въ себѣ.

Король радушно встрѣтилъ его.

Взглядъ, брошенный имъ на Кохана, былъ знакомъ, удалиться, и Рава ушелъ, но остановился за порогомъ и приложилъ ухо къ двери.

Рава не завидовалъ тѣмъ милостямъ, какими пользовался у короля архіепископскій племянникъ. Правда, онъ могъ бы замѣнить его, но не хотѣлъ соперничать и бороться, понимая преимущества чело-вѣка, котораго слѣдовало уважать; но онъ долженъ былъ знать обо всемъ.

Король указалъ взглядомъ своему совѣтнику на кресло; однако сумрачный священникъ только поклонился, не сѣлъ, а оперся обѣими руками о столъ, у котораго сидѣлъ король, и призадумался, какъ будто приготовляясь къ проповѣди.

— Я пришелъ съ предостереженіемъ,—отозвался онъ.— По вашему ли приказу отсбраны Злоцкія земли у епископа краковскаго?

Отецъ Суховилькъ посмотрѣлъ на него; король молчалъ, обдумывая, что отвѣтить.

— Злоцкія земли?—переспросилъ онъ, закусывая губу.— Да... Я велъ переговоры съ покойнымъ епископомъ Янгротомъ, который согласился помѣняться со мною на другія. Злоцкія мнѣ самому нужны для моего имуществва и лѣсовъ.

— А договоръ былъ написанъ?

— Были свидѣтели.

— Епископъ Бозаитъ не хочетъ знать ни о какихъ договорахъ и не желаетъ никакого обмѣна.

— Онъ не будетъ обиженъ, — возразилъ король. — Вѣдь я съ вашимъ дядей свершилъ не одинъ подобный обмѣнъ. Я не желаю церковнаго имущества, какъ равно и обиды духовенства.

— Но епископъ Бозаитъ очень обиженъ и взволнованъ.

— Ну, успокоится... Мнѣ самому нужны эти земли и помѣстья.

— Сомнѣваюсь, чтобы вы сдѣлали что-нибудь съ этимъ упрямымъ и сердитымъ старцемъ, — возразилъ, понизивъ голосъ, Суховильскъ. — Вѣроятно, кто-либо подстрекнулъ его и подлил масла въ огонь, который теперь сильно разгорѣлся и надо дать время потухнуть ему. Другими словами, возвратить Злоцкія помѣстья, а потомъ сдѣлать, что удастся.

Король внезапно всталъ, точно кто кольнулъ его.

— Этимъ я унизилъ бы свое королевское достоинство, — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. — Я не могу уступить епископу. Я вознагражу его и дамъ больше, чѣмъ стоитъ эта земля, но не могу вернуть. Это унижительно для меня.

О. Суховильскъ продолжалъ стоять, опершись о столъ и хмурия свои брови.

— Повидимому, у васъ разгорится сильный споръ, — медленно отозвался онъ, смотря на короля. — Епископъ Бозаитъ вспыльчивый человекъ, надо дать время остынуть и не раздражать его упорствомъ. Злоцкія земли не стоятъ спора съ нимъ.

— Это вѣрно! — воскликнулъ король. — Злоцкія земли ничего не стоятъ, но моя королевская честь стоитъ чего-либо и я долженъ защищать ее. А что ужъ король рѣшилъ, то — безвозвратно. Король не можетъ взять назадъ своихъ словъ. Да, — прибавилъ онъ помолчавъ, — у меня много враговъ и я не мало испытываю оскорбленій, но я не желаю, чтобы люди смѣялись надо мною и говорили, что я не знаю, что дѣлаю, если приходится передѣлывать. Пожалуйста, сходите къ епископу и скажите ему, въ какомъ положеніи наши дѣла. У меня былъ

словесный договоръ съ покойнымъ. Обѣщаю вознаградить его. Онъ не пожалѣетъ о своемъ снисхожденіи, но король не позволить ему унижить себя. Можете уйти...

— И радъ-бы, во не знаю, удастся ли мнѣ это сдѣлать!— отвѣтилъ Суховольгъ. — Онъ тоже съ честью хочетъ вернуть свои Злоцкія земли; бранится, сердится и кричитъ, что духовная власть съ каждымъ днемъ слабѣетъ и что она должна подчиняться свѣтской, тогда какъ онъ равныя и пользуются одинаковыми правами.

Король все болѣе хмурился.

— Къ сожалѣнію, не могу!—воскликнулъ онъ. — Онъ только епископъ, а я—король, и все, что я ни сдѣлаю, должно быть хорошо, хотя бы за это пришлось потомъ заплатить вдесятеро. Конечно, я скверно сдѣлалъ, что сейчасъ же не приказалъ написать договора съ Янгротомъ. Но все это какъ то отвлекалось и откладывалось со дня на день, какъ вдругъ онъ внезапно умеръ. Пусть Бозаитъ требуетъ отъ меня, чего хочетъ, но занятыхъ мною земель я не возвращаю.

По лицу слушающаго видно было, что онъ раздѣлялъ мнѣніе короля и вовсе не имѣлъ намѣренія защищать интересы епископа. Не даромъ его упрекали въ то время, что онъ нисколько не чувствовалъ себя духовнымъ, не уважалъ своего сана и не отстаивалъ свои права.

— Да, тяжело будетъ!—вздохнулъ онъ.

— Кто подстрекнулъ епископа?—спросилъ король. — Вѣдь онъ прежде молчалъ.

Отецъ Суховильгъ улыбнулся.

— Вѣроятно, его уговорили, — возразилъ онъ.

— Вѣрно ксендзъ Барычка?

Слушавшій кивнулъ утвердительно головою.

— Да, съ этимъ человѣкомъ не легко будетъ примириться, — сказалъ Казиміръ. — Я знаю его. Очевидно, онъ недоволенъ мною, какъ родственникъ Амадеевъ, и ищетъ повода придратъя ко мнѣ. Онъ безпокойный человѣкъ, но мнѣ не хотѣлось бы затѣвать борьбы съ нимъ, ибо я уважаю духовный санъ и избѣгаю съ нимъ войны. Вѣдь и королевское достоинство равно священническому сану!.. Если я самъ не буду уважать себя, то мои подданные — и подавно. Ну, а вы что скажете о Ба-

рычкѣ? — спросилъ король, смотря на призадумавшагося о. Суховилька.

— Какъ священникъ, онъ безупреченъ, — возразилъ, подумавъ, о. Суховилькъ, — а какъ человекъ — безпокойный и пристрастный. Ему бы, какъ саламандрѣ, постоянно жить въ огнѣ.. Его бы послать, какъ миссіонера, къ язычникамъ, съ крестомъ въ рукѣ. Онъ краснорѣчивъ, отваженъ, неустрашимъ. Онъ невольно стремится къ такому о немъ мнѣнію, хотя и не чувствуетъ въ томъ необходимости.

Король стоялъ омраченный и, подумавъ, прибавилъ:

— Постараюсь избѣгнуть столкновенія... Совѣтуйте...

— Я бы посовѣтовалъ уступить, если-бъ вы не сказали, что королю не подобаетъ мѣнять даннаго слова.

— Не могу! — рѣшительно и ясно повторилъ король. — Казиміръ возвратилъ бы ему Злоцкія земли, а король — не можетъ. Посовѣтуйте что-либо другое.

— Не скрою отъ васъ, милостивѣйшій государь, — отвѣтилъ ксендзъ, помолчавъ, — что я ужъ говорилъ о томъ съ епископомъ Бозайтомъ. Я засталъ его въ величайшемъ волненіи и напрасно старался уговорить. Онъ грозитъ проклятіемъ, отлученіемъ отъ церкви.

— Проклятіемъ? — подхватилъ король, очевидно, не особенно пугаясь. — Вы отлично знаете, какъ крестоносцы и другіе смотрятъ теперь на церковныя проклятія. Это оружіе черезчуръ притупилось, благодаря злоупотребленію имъ.

— Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ имъ пренебрегать, — возразилъ о. Суховилькъ. — У церкви другого оружія не было и нѣтъ, и оно всегда должно быть опаснымъ.

— Но... вы сами, духовныя лица, не всѣ ему послушны, — прервалъ Казиміръ: — а вѣдь священники служатъ обѣдни, крестятъ, хоронятъ...

— Какіе это священники! — возразилъ, нахмурясь, ксендзъ Суховилькъ. — Это ужъ не духовные, милостивый король, если они встаютъ противъ своей власти. Если она поколеблется, то вѣдь и они падутъ вмѣстѣ съ нею.

Ксендзъ помолчалъ немного, а затѣмъ прибавилъ:

— Разумѣется, постараемся не допустить крайности.

Король промолчалъ. Въ лицѣ его произошла внезапная пе-

ремѣна, что, однаго могли замѣтить только часто видѣвшіе его: изъ остывшаго и изнуреннаго оно превратилось въ серьезное, величественное, королевское. Чувство какой-то гордости окружило его ореоломъ.

— Довольно! Поговоримъ о другомъ,—сказалъ онъ.—Надѣюсь, что съ вашей помощью я проведу это дѣло и оно не пойдетъ въ магдебургскій судъ, за-границу, въ нѣмецкій городъ! Это было бы стыдно для насъ... точно у насъ нѣтъ собственнаго суда и мы не можемъ найти между собою справедливости. Мы учредимъ въ Краковѣ верховный судъ.

Ксендзъ Суховильскъ изумился такому внезапному переходу къ другому разговору и не скрывалъ своего изумленія. Онъ понималъ, что король больше не желалъ говорить о дѣлѣ съ епископомъ краковскимъ, и замолчалъ. Однако, черезъ минуту, пробурчавъ что-то о нѣмецкихъ законахъ, ушелъ, провожаемый королемъ до дверей.

Коханъ простоялъ за ними до конца и слышалъ весь разговоръ: онъ то краснѣлъ, то сжималъ кулаки, то потрясалъ головой, то радовался, когда король высказывалъ свою рѣшительность и проявлялъ самостоятельность.

— А!—воскликнулъ онъ про себя.—Значить, Барычка грозить намъ и возмущаетъ наше спокойствіе! Погоди же!.. Я научу тебя уму-разуму!..

И онъ отошелъ отъ дверей, а черезъ полчаса его ужъ не было въ замкѣ. Онъ принарядился, какъ это всегда дѣлалъ, уходя въ городъ, опоясалъ маленькій мечъ, надѣлъ цѣпь, пожалованную ему королемъ и, прихвативъ съ собою отрока, носившаго за нимъ большой мечъ, какъ знакъ его рыцарскаго достоинства, отправился въ городъ.

Одинъ изъ каменныхъ домовъ Вѣржинка, которыхъ у него было много и которые онъ строилъ, покупалъ, мѣнялъ и продавалъ,—находился на самомъ рынкѣ. Въ немъ заключалась вся современная городская жизнь, или, по крайней мѣрѣ, большая часть ея.

Николай Вѣржинокъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ людей своего времени и класса, хотя послѣдній ужъ трудно было отличить въ немъ. Онъ былъ мѣщанинъ, но имѣлъ право считаться дворяниномъ, имѣлъ свой рыцарскій щитъ; кромѣ